

Ожидание результатов всегда было самым мучительным. Хотя Гу Цинцин считала, что на этот раз всё пройдёт, как обычно, и ей просто придётся потерпеть, зря потратив две тысячи юаней, когда она получила результаты анализов, её мозг словно отключился.

— Я же говорила, чтобы ты раньше пришла на обследование, а ты не послушала, всё жалела свои деньги, — Ян Мэй, держа в руках отчёт, вздыхала, просматривая результаты.

— Что случилось с девушкой? — соседка по палате, пожилая женщина, закончив капельницу, сидела на кровати, подкрашивая брови. Увидев их озабоченные лица, она поинтересовалась.

— Тётя, мне нужно делать операцию... — Гу Цинцин повернулась к ней. — Острый гастрит и аппендицит одновременно. Нужно удалять аппендикс...

— Эх, и это ещё не всё. Проблемы с сердцем, шейный остеохондроз и... невероятная скупость, — Ян Мэй швырнула отчёт на кровать. — Как я вообще познакомилась с такой несчастной?

— Удаление аппендикса сейчас — это простая операция, не переживай, расслабься, — успокоила её пожилая женщина. — Но проблемы с сердцем и шеей — это серьёзно. Не думай, что раз ты молодая, то это неважно. Не дави на себя слишком сильно. Жизнь — это путь самосовершенствования, как бы ты его ни прошла, главное — быть счастливой.

Гу Цинцин кивнула и спросила:

— Тётя, а как ваше здоровье?

Женщина отложила помаду и улыбнулась:

— У меня рак желудка на поздней стадии. Думаю, уведомление о критическом состоянии уже в пути.

В отличие от её спокойного тона, Гу Цинцин и Ян Мэй выглядели шокированными. Ян Мэй, всегда прямолинейная, выпалила:

— Тётя, вы шутите? Вы выглядите бодро. Наверное, скоро выпишетесь?

Женщина рассмеялась:

— Сегодня днём я иду на танцевальный вечер для пожилых. Как вам мой макияж?

Обе девушки поспешно закивали:

— Красиво, очень красиво!

— Тётя, у вас замечательное отношение к жизни, — с ноткой зависти сказала Гу Цинцин. —

Ваша семья, наверное, очень счастлива.

— Дорогая, я вижу, что ты слишком загружена переживаниями. Не дави на себя. Вы, молодые, всё понимаете, но не можете отпустить, — пожилая женщина смотрела на Гу Цинцин с материнской любовью. — Как говорится, человек живёт для себя, это путь самосовершенствования. Любовь, семья, дружба — всё это уроки на этом пути. Независимо от результата, не теряй себя. Счастье и здоровье — самое важное. Многие проблемы мы создаём сами, не думай о них. Делай то, что хочешь, живи свободно.

Гу Цинцин задумчиво кивнула, пока женщина продолжала:

— Жизнь кажется длинной, но в момент смерти понимаешь, что это всего лишь миг. С другой стороны, я прожила больше, чем те, кто ушёл раньше.

Несмотря на улыбку, в её голосе появилась лёгкая дрожь:

— Мне пятьдесят три. По сравнению с мужем и дочерью, я уже прожила достаточно. Пришло время присоединиться к ним.

Гу Цинцин замерла. Женщина, видимо, давно не общалась с кем-то в больнице и, воспользовавшись моментом, начала рассказывать:

— Мой муж погиб в аварии больше десяти лет назад. Дочь, примерно вашего возраста, ушла в прошлом году.

На её глазах появились слёзы.

— С мужем ничего нельзя было поделаться, это была судьба. Но если бы дочь была жива, я бы сказала ей: будь собой, не думай о других, просто будь счастлива.

— Тётя, простите, — Гу Цинцин, сама едва сдерживая слёзы, быстро поднялась, взяла салфетку и вытерла ей лицо.

— Моя дочь была похожа на тебя, жалела деньги. Хотела накопить, чтобы мы с ней жили хорошо. Уже почти тридцатилетняя девушка, но не позволяла себе купить новую одежду. Была помолвка, но она рассталась с парнем, потому что он оскорбил меня. Работала без отдыха, брала несколько подработок, даже не успевала нормально поесть, а мне говорила, что работа лёгкая и зарплата хорошая. Когда заболела, терпела до последнего.

Слёзы женщины потекли, как вода из прорванной плотины.

— В прошлом году, когда ей стало совсем плохо, она наконец сказала мне. В больнице обнаружили анкилозирующий спондилит и проблемы с сердцем. Она не смогла продержаться долго.

Гу Цинцин тоже плакала, обняв женщину, но не зная, как её утешить. Когда её родители

погибли, она только поступила в университет, и чувство, будто небо рухнуло, невозможно было выразить словами.

Женщина, почувствовав, что слишком расплакалась, сама вытерла лицо и успокоила Гу Цинцин:

— Видя тебя, я словно вижу свою дочь. Дорогая, не думай, что я много болтаю, просто будь добра к себе. Если ты сама не будешь любить себя, кто тогда полюбит? Моя дочь была слишком наивной, но я счастлива, что у меня была такая дочь.

— Тётя, не грустите. Если вы не против, считайте меня своей дочерью. Мои родители тоже ушли, когда я училась в университете, — Гу Цинцин вытерла слёзы, глубоко вздохнула и попыталась улыбнуться.

— Конечно, я не против. Я только рада обрести такую приёмную дочь, — женщина, не ожидавшая, что Гу Цинцин сирота, обняла её и погладила по голове.

Ян Мэй тоже была тронута, вспомнив, что уже больше года не видела свою семью.

— Я и не думала, что ты одна, — женщина вытирала слёзы Гу Цинцин, но они только лились сильнее. Гу Цинцин, глядя на неё, вспоминала своих родителей и, хотя старалась сдержаться, не могла остановиться.

— Эх, она не одна, у неё есть бабушка и второй дядя, — Ян Мэй, говоря это, злилась и ткнула Гу Цинцин. — Она немного глуповата. Её родители погибли в аварии, и виновный выплатил триста тысяч юаней. Но её бабушка и дядя сказали, что хотят построить дом в деревне, и присвоили эти деньги. Она училась в университете на стипендию и подработки. Тётя, скажите, разве это не глупо?

Женщина сжала Гу Цинцин в объятиях:

— Какая же ты глупая.

— И это ещё не всё. В их деревне сильно ценят мальчиков. У её дяди два сына, и бабушка всячески их баловала. Ещё когда её родители были живы, бабушка её не любила, а после их смерти сказала, что она девушка и всё равно выйдет замуж, продала их дом в деревне и отдала деньги дяде, чтобы он мог учить своих внуков.

— Это просто ужасно! — возмутилась женщина. — Все дети равны, как можно так поступать?

— Вот именно, — Ян Мэй кивнула. — Они так с ней поступили, а она после работы продолжала каждый месяц отправлять деньги бабушке. Сейчас она потеряла работу, работает на нескольких подработках, и всё равно откладывает половину зарплаты, чтобы отправить в деревню. А когда болеет, даже на лечение не тратит.

Об этом Гу Цинцин рассказывала только Ян Мэй, и теперь, вспомнив всё, её слёзы снова потекли.

— Какая же ты добрая, — в глазах женщины была нежность. — Не переживай, всё наладится. Жизнь не оставит тебя, если ты сама не сдашься.

— Она просто слишком добрая, и все этим пользуются! Тётя, скажите, если бы она вдруг заболела чем-то неизлечимым, разве её жизнь не была бы напрасной? — Ян Мэй, и сердясь, и жалея, ударила Гу Цинцин подушкой, но легонько.

— Напрасной, — Гу Цинцин подняла голову из объятий женщины и сквозь слёзы спросила:

— У меня что, неизлечимая болезнь?

— Ты совсем глупая! — Ян Мэй снова ударила её подушкой.

— Доктор Чжань Юнь? — медсестра, проходя мимо, заметила её у дверей палаты и спросила:

— Что вы здесь делаете?

Чжань Юнь обернулась и мягко улыбнулась:

— Ничего, мне сказали, что в этой палате есть пациентка, которой нужно удалить аппендикс. Я пришла посмотреть на её состояние.

— А, тогда заходите, — медсестра уже собиралась открыть дверь, но Чжань Юнь махнула рукой:

— Не стоит, я сначала посмотрю других.

<http://bllate.org/book/15549/1376373>